ЛАРРИ МАКМЁРТРИ

Одинокий Голубь

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
М 15

Larry McMurtry
LONESOME DOVE
Copyright © 1985, Larry McMurtry
All rights reserved

Перевод с английского
Тамары Матц под редакцией Ирины Залогиной

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Т. П. Матц (наследник), перевод, 1998, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-25007-9

Моя любимая книга? Их так много, что выбрать очень трудно... Пожалуй, я бы назвал «Одинокого Голубя» Ларри Макмёртри.

Стивен Кинг

Конечно, книга — лучший подарок, а именно — «Одинокий Голубь». Это как сам дар чтения.

Джефф Дайер
(The Guardian)

Выдающееся, беспримерное достижение. Одно слово — шедевр.

Джон Джейкс
(автор саги «Север и Юг»)

Абсолютная достоверность. Здесь не персонажи, а живые люди, и все как один — колоссальные личности.

The New York Times Book Review

Изумительно... современная классика во всех смыслах слова.

The San Diego Union

В эту книгу падаешь, как камень в колодец. Она завораживает в самом буквальном смысле — а потом рыдаешь оттого, что она заканчивается.

The New Yorker

Редчайший случай — толстый роман, который может быть еще толще хоть вдвое, и читатель только скажет спасибо. Да, книга до такой степени хороша. Да, расставаться с героями настолько мучительно.

Chicago Tribune

Абсолютно непредсказуемо — и просто великолепно.

The Wall Street Journal

Удивительный эпос, насыщенный любовью и меланхолией... триумф человеческого духа в мире смертельных тягот.

Los Angeles Times Book Review

Если вам суждено прочесть в жизни лишь один вестерн, пусть это будет «Одинокий Голубь» — недостижимая для прочих вершина жанра.

USA Today

Лучшая книга, какую вы когда-либо прочтете.

Defector

Эпический роман-странствие: ковбои против негостеприимной природы, безжалостных бандитов, суровых индейцев. Вы буквально ощущаете пыль и зной, чуете запах лошадей и звериных шкур... Обязательное чтение.

The Sunday Times

Чудесный роман, искрящийся радостной энергией... триумф языка и воображения.

Newsweek

Искусная одиссея, высочайшее и самое масштабное достижение в жанре неовестерна.

Los Angeles Daily News

Головокружительное приключение.

The Atlantic

В свое время «Одинокий Голубь» получил Пулитцеровскую премию, был переведен на множество языков, разошелся по миру тиражом свыше четырех миллионов экземпляров, был успешно перенесен на телеэкран (в ролях Роберт Дюваль, Томми Ли Джонс, Анжелика Хьюстон), получил несколько продолжений (также экранизированных) — отчего же внезапный всплеск популярности сорок лет спустя? Дело явно не только в статусе современной классики: почти тысячестраничный том завирусился на «БукТоке», в любви к нему признаются все поголовно, от Стивена Кинга до тридцатилетней тренерши по пилатесу, компания *Teton Ridge* планирует заново экранизировать всю тетралогию. Вероятно, этот антивестерн идеально соответствует духу нашего времени: когда власти предержащие олицетворяют искаженно-карикатурный образец маскулинности, всем остро необходима мужская ролевая модель поразумнее — и персонажи Макмёртри отрабатывают этот запрос на все сто. Герои или негодяи, бывшие рейнджеры или опасные бандиты, плохие, хорошие и злые, щедрые и ущербные, энергичные и ленивые, безумно влюбленные и сексуально озабоченные, храбрые и нервозные — все они изображены честно и достоверно.

Esquire

1

Когда Огастес вышел на веранду, свиньи жрали гремучку — не очень большую. Скорее всего, она просто ползла в поисках тени да и наткнулась на свиней. Они тянули ее в разные стороны, так что гремучка свое уже отгремела. Чушка держала ее за голову, а хряк — за хвост.

— Проклятые свиньи, — выругался Огастес, пиная хряка. — Валите к ручью, если хотите жрать эту змею.

Он рассердился на них не из-за змеи, а из-за веранды. От свиней на веранде становилось еще жарче, а жарче было уж просто некуда. Он спустился на пыльный двор и пошел к кладовке над родником за бутылкой. Солнце стояло еще высоко, упершись в небо как мул, но у Огастеса глаз был наметан, и этим глазом он видел, что тени на западе обнадеживающе накренились.

Вечер долго добирался до Одинокого Голубя, но, когда наконец наставал, делалось легче. Бóльшую часть суток — и бóльшую часть года — солнце превращало городок в глуши чапараля в пыльную ловушку, рай для змей, рогатых жаб, земляных кукушек и скорпионов, но ад для свиней и уроженцев штата Теннесси. На тридцать или сорок миль не найти было ни единого дерева с приличной кроной. На самом деле местоположение ближайшей пристойной тени являлось предметом кипучих споров в конторах — если угодно так называть сарай без крыши и пару латаных фургонов — «Скотоводческой компании Шляпного ручья», половиной которой владел Огастес.

Его упрямый партнер, капитан В. Ф. Колл, настаивал, что великолепная тень имеется прямо рядом, в двенадцати милях, на Поляне Пиклса, но Огастес не соглашался. Поляна Пиклса — еще более забытая Богом дыра, чем Одинокий Голубь.

Она и возникла-то потому, что один дурак с севера Джорджии по имени Уэсли Пиклс вместе с семьей десять дней плутал в мескитовых зарослях. А когда вышел на прогалину, то дальше уже не пошел. Так и появилась Поляна Пиклса, куда попадали в основном путники вроде основателя, то есть люди слишком слабовольные, чтобы осилить несколько сотен миль мескитовой чащи.

В кладовке над родником — в маленькой саманной постройке — стояла такая прохлада, что Огастес был бы готов туда и перебраться, не облюбуй ее уже черные вдовы, шершни и сколопендры. Открыв дверь, с ходу он никаких сколопендр не заметил, зато услышал нервное дребезжание гремучки, у которой явно было больше мозгов, чем у той, которую доедали свиньи. Огастес разглядел свернувшуюся в углу змею, но решил в нее не стрелять: тихим весенним вечером выстрел в Одиноком Голубе мог привести к осложнениям. Все в городке его услышат и решат, что либо команчи напали из прерий, либо мексиканцы со стороны реки. Если же кто-нибудь из постоянных посетителей «Сухого боба», единственного местного салуна, будет в подпитии или дурном расположении духа — а это вполне вероятно, — они наверняка вывалят наружу и пристрелят одного-двух мексиканцев просто так, на всякий случай.

В лучшем случае притопает с выгона Колл и разозлится, узнав, что это всего-навсего змея. Колл не испытывал ни малейшего пиетета к змеям, равно как и к тем, кто отступал перед ними. Гремучек он бил как комаров, разделываясь с ними одним ударом и любым орудием, попавшим под руку.

— Пусть тот, кто тормозит перед змеей, всю жизнь ходит пешком, — часто говорил он, и, как многие из его изречений, это было недоступно пониманию образованного человека.

Огастес держался менее агрессивной философии. Он считал, что надо дать живым существам время подумать. Поэтому он постоял на солнце, дожидаясь, чтобы гремучка успокоилась и уползла в дыру. Тогда он протянул руку и вытащил бутыль из грязи. Год выдался сухим даже по меркам Одинокого Голубя, так что весны хватило только на небольшую грязную лужу. Свиньи по полдня проводили вокруг погреба, пытаясь добраться до грязи, но пока еще дыры в самане были недостаточно велики для них.

Мокрая холстина вокруг бутыли как магнит притягивала сколопендр, так что Огастес сначала убедился, что ни одна не забралась под тряпку, и лишь тогда откупорил горловину и сделал скромный глоток. Единственному белому брадобрею в Одиноком Голубе, собрату-теннессийцу по имени Диллард Браули, приходится сейчас брить бороды, стоя на одной ноге, потому что он недостаточно остерегался сколопендр. Две красноногие твари самой злобной разновидности ночью забрались ему в штаны, а Диллард торопился встать и поленился встряхнуть штаны как следует. Нога после этого не то чтобы вовсе отгнила, но попортилась порядочно, так что семейство обеспокоилось заражением крови и уговорило Дилларда и Колла отпилить ее.

В течение года или даже двух в Одиноком Голубе был настоящий доктор, но молодому человеку не хватило здравого смысла. Один вакеро[1] с дурным нравом, которого все давно хотели при случае вздернуть, по пьяни заснул ночью и позволил жуку-нарывнику заползти себе в ухо. Назад жук дороги не нашел, но двигался достаточно энергично, чтобы расстроить вакеро, и тот упросил молодого доктора извлечь жука. Молодой человек старался изо всех сил, лил в ухо теплую подсоленную воду, но вакеро осерчал и пристрелил его. Большая ошибка с его стороны: кто-то убил под ним лошадь, когда он пытался ускакать, и разъяренные горожане, большинство которых сидели в салуне, тут же его и повесили.

К сожалению, никто из врачей с той поры Одиноким Голубем не интересовался, так что Огастес и Колл, на своем веку повидавшие предостаточно ран, всегда призывались, когда возникала нужда. Нога Дилларда в этом смысле проблемы не составляла, вот только он вопил так громко, что повредил голосовые связки. Потом Диллард вполне приспособился передвигаться на одной ноге, но голосовые связки так полностью и не восстановились, что в конечном счете разрушило его бизнес. Диллард всегда слишком много болтал, а после несчастья со сколопендрами стал слишком много шептать. Клиенты, укутанные в горячие полотенца, не могли расслабиться, стараясь разобрать шепот Дилларда. А там нечего было слушать, еще когда обе

[1] Vaquero *(исп.)* — пастух.

ноги были целы, так что со временем многие из его клиентов переметнулись к парикмахеру-мексиканцу. Даже Колл ходил к мексиканцу, а Колл не доверял ни мексиканцам, ни брадобреям.

Огастес взял бутыль на веранду и поставил стул с плетеным сиденьем так, чтобы максимально использовать доступное ему подобие тени. Когда солнце опустится ниже, тень удлинится, постепенно захватывая веранду, двор, Шляпный ручей, Одинокого Голубя и, наконец, Рио-Гранде. Когда тень достигнет реки, Огастес уже будет в вечерней кондиции и готов для разговора с умным человеком, что обычно кончалось разговором с самим собой. Колл будет трудиться, пока окончательно не стемнеет, — если найдется работа, а если нет, он ее придумает. А Гороховый Глаз в душе был сержантом и не мог уйти раньше капитана, даже если бы Колл ему это и позволил.

Две свиньи молча проигнорировали приказ Огастеса идти к ручью и забрались под один из фургонов, доедая змею. Это было вполне разумно, ручей высох так же, как двор, а тащиться до него дальше. Пятьдесят недель в году Шляпный ручей был песчаной канавой, и тот факт, что эти две свиньи предпочитали туда не ходить, говорил об их сообразительности. Огастес часто хвалил свиней за их ум, когда спорил с Коллом, а спорили они последние несколько лет. Огастес считал, что свиньи умнее, чем все лошади и некоторые люди, что безумно раздражало Колла.

— Не может свинья, жрущая помои, быть умнее лошади, — говорил Колл, прежде чем перейти к грубостям.

По обычаю Огастес выпил прилично, наблюдая, как солнце провожает день. Если он не раскачивал плетеный стул, то запрокидывал бутыль. Дни в Одиноком Голубе, сухие как мел, тянулись в мареве жары, но бурбон снимал часть сухости, и внутри Огастеса становилось приятно и туманно, так же прохладно и влажно, как по утрам в холмах Теннесси. Он редко напивался в стельку, но ему нравилось это ощущение туманности на закате. И он поддерживал такое настроение хорошими глотками виски, а небо на западе тем временем начинало багроветь. Виски не вредил его умственным способностям, но делал терпимее к тем неотесанным типам, с которыми приходилось иметь дело:

Коллу, Гороховому Глазу, Дитцу, юному Ньюту и старику Боливару, повару.

Когда небо над западными равнинами приятно зарозовело, Огастес обошел дом сзади и пару раз пнул кухонную дверь.

— Давай-ка подогрей требухи и пожарь бобов, — сказал он.

Старик Боливар не удостоил его ответом, так что Огастес для вящей убедительности пнул дверь еще пару раз и вернулся на веранду. Хряк поджидал его там в углу, затаившись тихо, как кошка. Верно, надеялся, что Огастес обронит ремень, или перочинный нож, или шляпу, короче, что-нибудь съедобное.

— Пшел отсюда, свинота, — велел ему Огастес. — Найди другую змею, если такой голодный. — Тут ему пришло в голову, что кожаный ремень вряд ли жестче или неприятнее, чем жареный козел, которого готовит Боливар три или четыре раза в неделю.

Старик был мексиканский бандит со стажем, но теперь воинственный дух из него вышел, и Бол перешел через реку. С той поры жизнь он вел тихую, хотя козлятина появлялась-таки на столе. Компания не торговала козами, и вряд ли Боливар покупал коз на свои деньги. Скорее всего, он их крал, чтобы не потерять квалификации. Готовка в квалификацию не входила. Козлятина на вкус казалась обжаренной в смоле, но Огастес единственный в хозяйстве был настолько чувствителен, чтобы жаловаться.

— Бол, старик, где ты взял смолу, в которой зажарил этого козла? — частенько спрашивал он, но тихая попытка пошутить падала на мертвую почву; Боливар игнорировал все его выпады, прямые и косвенные.

Огастес уже было изготовился поговорить с чушкой и хряком, но увидел идущих с выгона Колла и Горохового Глаза. Последний, худой и высокий, никогда не наедался досыта и выглядел так нелепо, что, казалось, грохнется, даже когда стоял смирно. С виду совершенно беспомощный — но это как раз и был тот самый случай, когда внешность обманчива. На самом деле Огастес никогда не встречал настолько умелого человека. Он не был особо умел в стычках с индейцами, но дай ему что-нибудь, на чем можно сосредоточиться, что-нибудь по плотницкой или кузнечной части, колодец вырыть или упряжь починить —

лучше его не найдешь. Да и то, будь он плохой работник, Колл давно бы его прогнал. Огастес спустился с веранды и встретил их у фургонов.

— Что-то рановато вы сегодня закруглились, девушки, — сказал он. — У нас Рождество или что?

Рубашки на обоих столько раз за день промокали насквозь от пота, что казались абсолютно черными. Огастес протянул Коллу бутыль, и тот, поставив ногу на передок фургона, отпил глоток, прополоскал горло, выплюнул совершенно нормальный виски прямо в пыль и передал кувшин Гороховому Глазу.

— Сам ты девушки, — сказал он. — Никакое не Рождество. — Затем он направился в дом, причем так внезапно, что Огастес даже растерялся.

Хорошими манерами Колл никогда не отличался, но, если день выдавался удачным, он обычно останавливался, чтобы поболтать минутку.

Интересная вещь с Вудро Коллом заключалась в том, как он держался. Не слишком крупный — в сущности, едва ли среднего роста, — но стоило подойти и заглянуть ему в глаза, как это впечатление исчезало. Огастес был на четыре дюйма выше, а Гороховый Глаз еще на три, но никоим образом нельзя было убедить Глаза, что капитан Колл коротышка. Колл сбил его с толку, и не его одного. Если кто-нибудь хотел выстоять против Колла, ему надо было постоянно напоминать себе, что Колл не такой большой, каким кажется. Огастес единственный в южном Техасе мог держать его в верном масштабе и при всяком случае пользовался этим преимуществом. Нередко он начинал день с того, что, передавая Коллу горячие булочки, безразлично говорил:

— Знаешь, Колл, а ведь ты вовсе не гигант.

Простодушный Глаз такого поведения понять не мог. Иногда Огастес забавлялся, наблюдая, как Колл вовсю командует мужиком почти вдвое больше себя так, что Гороховый Глаз путал человека внешнего и внутреннего. Конечно, сам Колл по простоте своей навряд ли сознавал, что он делает. Просто делал, и все. Самым смешным в этом фокусе было то, что Колл никакого фокуса не замечал. Этот человек и пяти минут не тратил на раздумья о самом себе. Это бы значило, что он отнял пять минут от работы, которую в тот день запланировал сделать.

— Хорошо, что я не боюсь лениться, — сказал как-то Огастес.

— Это ты так думаешь. Я — нет, — сказал Колл.

— Черт, Колл, если бы я вкалывал как ты, здесь бы вообще некому было думать. Ты в мыле пятнадцать часов в сутки. Человек, который вечно в мыле, ни черта не соображает.

— Я вот посмотрю, как ты сообразишь вернуть крышу на сарай, — буркнул Колл.

Странный маленький смерч со стороны Мексики одним махом сдул крышу с сарая еще три года назад. К счастью, дождь в Одиноком Голубе шел раз или два в году, так что эта потеря не слишком вредила скоту, когда таковой имелся. Страдал по большей части Колл, который никак не мог собрать приличных досок для новой крыши. К сожалению, тот самый редкий ливень случился через неделю после того, как старую крышу скинуло посреди Шляпного ручья. Это был настоящий потоп и древесный сплав заодно, унесший крышу почти целиком в Рио-Гранде.

— Если так много думаешь, почему не подумал про дождь? — спросил Колл.

С тех давних пор Колл попрекал Огастеса ливнем. Дай только Коллу повод понудеть, уж он сбережет его пуще денег.

Гороховый Глаз выпивкой не плевался. Шея у него была тощая, и, когда он пил, адамово яблоко напоминало Огастесу змею с лягушкой внутри.

— Колл бесится так, что пни готов пинать, — сказал Огастес, когда Глаз оторвался от бутыли перевести дыхание.

— Потому что она от него кусок отожрала, — сказал Глаз. — Не знаю, зачем она капитану.

— Кобылы — его единственная слабость, — сказал Огастес. — Как вышло, что его укусила лошадь? Я думал, вы роете новый колодец.

— Наткнулись на камень, — объяснил Глаз. — Места размахнуться было на одного, так что Ньют махал, а я подковывал лошадей. Капитан решил прокатиться. Он, верно, подумал, что заставил ее попотеть. Повернулся к ней спиной, она его и хватанула.

Кобыла, о которой шла речь, была известна в городке как Адская Сука. Колл купил ее в Мексике у каких-то кабальеро[1],

[1] Caballero *(исп.)* — всадник.

которые уверяли, что ради нее убили индейца-команча. Огастес в эту часть истории не верил: вряд ли команч в одиночку стал бы разъезжать в этой части страны, а если бы их было двое, вряд ли кабальеро дожили бы до продажи какой-либо лошади. Кобыла, серая в яблоках, с белой мордой и белым пятном на лбу, была слишком высока для настоящих индейских пони и слишком коротконога для чистокровки. Нрав ее говорил о том, что она, вполне вероятно, провела какое-то время у индейцев, но у каких индейцев и как долго, можно было только гадать. Ее хотели купить все, кто видел, такая она была статная, но Колл даже не слушал предложений, хотя и Гороховый Глаз, и Ньют жаждали от нее избавиться. Им каждый день приходилось иметь с ней дело, и они страдали. Однажды она так лягнула Ньюта, что он перелетел через всю кузницу и едва не угодил в горн. Гороховый Глаз боялся ее не меньше, чем команчей, а это что-нибудь да значило.

— А чего Ньют не идет? — спросил Огастес.

— Может, в колодце уснул, — предположил Гороховый Глаз.

Но тут Огастес увидел идущего с поля парня, еле живого от усталости. Гороховый Глаз был уже полупьяный, когда Ньют добрел до фургонов.

— Видит бог, Ньют, я рад, что ты уже здесь, а осень еще не наступила, — сказал Огастес. — Нам бы тебя летом здорово не хватало.

— Я в кобылу камнями кидался, — усмехнулся Ньют. — Видал, какой ломоть она отожрала от Колла?

Ньют задрал одну ногу и аккуратно счистил грязь с подошвы сапога, а Гороховый Глаз тем временем продолжал выполаскивать пыль из горла. Огастес всегда восхищался способностью Ньюта стоять на одной ноге, счищая грязь с другой.

— Ты только глянь, Глаз, — предложил он. — Тебе так слабó.

Гороховый Глаз так привык видеть Ньюта на одной ноге, счищающего грязь с другой, что не понял, с чего это Гас решил, что он так не может. Несколько добрых глотков бухла порой замедляли его мозги до скорости улитки. Чаще всего так бывало на закате после того, как он целый день убивался, копая колодец или подковывая лошадей. В такие минуты Глаз вдвойне радовался, что работает с капитаном, а не с Гасом. С капитаном

чем меньше слов, тем лучше у него настрой, а с Гасом наоборот. Тот выпаливал сразу несколько вопросов и мнений, и они разбегались как неклейменное стадо, так что трудно выбрать что-то одно и медленно, с толком, обдумать. Глаз только так и умел размышлять. В подобных случаях он мог разве что притворяться, будто вопрос попал ему в глухое ухо, левое, которое почти не слышало после большой стычки с индейцами племени кичай, или, как ее называли, стычки у Каменного дома. Там была чистая сумятица, потому что у индейцев хватило ума поджечь траву в прерии, так что никто ничего не видел за несколько шагов. В дыму они то и дело натыкались на индейцев и стреляли в упор. Рейнджер рядом с Глазом заметил индейца рядом и пальнул слишком близко к уху напарника.

В тот день индейцы увели их лошадей, что привело капитана Колла в такую ярость, какой Глаз не видывал. И пришлось им тащиться вдоль реки Бразос пёхом, а это две сотни миль, и все время тревожиться — а вдруг команчи прознают, что они идут пешком. Гороховый Глаз понял, что оглох на одно ухо, только под конец пути.

К счастью, пока он мучился с вопросом, что́ ему слабо́, старик Боливар зазвонил в колокол, созывая к ужину, и положил конец дискуссии. Старый колокол давно потерял язык, но Боливар отыскал железный лом, который кто-то умудрился сломать, и лупил им с такой силой, что, будь у колокола язык, его бы все равно не услышали.

Солнце наконец зашло, и у реки было так тихо, что слышалось, как лошади машут хвостами в загонах, — ну, до той поры, пока Боливар не ударил в колокол. Хотя он, скорее всего, знал, что они стоят около фургонов, куда вполне можно докричаться, Боливар продолжал долбить в колокол добрые пять минут. На то у него были свои причины, и даже Колл ничего не мог тут поделать. Звук разрывал закатную тишину, и это так бесило Огастеса, что его подмывало пристрелить старика, просто чтобы проучить его.

— Полагаю, он призывает бандитов, — сказал Огастес, когда звон наконец стих.

Они направились к дому, свиньи следом за ними, причем хряк дожевывал пойманную где-то ящерицу. Свиньям Ньют

нравился даже больше, чем Огастес, потому что, когда Ньюту нечем было заняться, он скармливал им кусочки сыромяти и чесал за ушами.

— Если появятся бандиты, может, капитан разрешит мне уже носить ствол, — мечтательно сказал Ньют. Казалось, он никогда не дорастет до того, чтоб носить оружие, хотя был уже почти юноша.

— Если тебе дать ствол, кто-нибудь по ошибке может принять тебя за стрелка и укокошить, — сказал Огастес. — Дело того не стоит. Если Бол когда-нибудь накликает бандитов, я одолжу тебе свою «генри»[1].

— Старик и готовить едва умеет, — высказался Гороховый Глаз. — Откуда он возьмет бандитов?

— Ну как же, вспомни ту грязную шайку, с которой он таскался? Колл только потому и взял его поваром. В нашем бизнесе неплохо знать парочку-другую конокрадов, при условии, что они мексиканцы. Полагаю, Бол просто выжидает время. Как только завоюет наше доверие, его шайка ночью проберется сюда и всех нас прикончит.

Сам он ничему такому не верил, просто любил иногда подразнить мальчишку, да и Глаза тоже, хотя того чрезвычайно трудно было раздразнить, он почти не умел бояться. У него хватало здравого смысла опасаться команчей, а для этого много ума не требовалось. Мексиканские бандиты его не впечатляли.

У Ньюта было побольше воображения. Поэтому он повернулся и посмотрел через реку, где быстро сгущалась темнота. Время от времени капитан, Огастес, Глаз и Дитц пристегивали ружья, садились верхом и скакали в эту непроглядную тьму, в Мексику, и возвращались на заре с тридцатью или сорока лошадьми или с сотней голов тощего скота. В приграничном районе это был способ развития животноводства — мексиканские фермеры совершали набеги на север, а техасцы — на юг. Часть этого тощего скота всю жизнь проводила в перегонах туда-сюда через Рио-Гранде. Вожделенной мечтой Ньюта было скорее вырасти и участвовать в этих набегах. Многие ночи он провел на

[1] Винтовка конструкции Бенджамина Тайлера Генри для ближнего боя, с рычажным затвором и трубчатым подствольным магазином на 15 пистолетных патронов, выпускалась с 1860 г.

своей жаркой верхней койке, слушая храп и бормотание Боливара внизу, уставясь к окно в сторону Мексики, воображая всю дичь, что там происходит. Иногда он даже слышал выстрелы, но редко больше одного или двух, доносившиеся снизу или сверху по реке, и это подстегивало его воображение.

— Поедешь, когда вырастешь, — сказал капитан, и все на том. Спорить не приходилось, особенно если ты подсобный работник. Спорить с капитаном было привилегией мистера Гаса.

Едва они вошли в дом, как мистер Гас не замедлил ею воспользоваться. Капитан снял рубашку, чтобы Боливар обработал рану от укуса. Кобыла цапнула его чуть повыше пояса. Крови натекло порядком, так что одна штанина совсем затвердела. Бол уже собрался было смазать рану своей обычной смесью из дегтя и скипидара, но мистер Гас попросил его обождать, пока он сам посмотрит.

— Бог ты мой, Вудро, — сказал Огастес, — столько лет ты возишься с лошадьми, пора бы уже знать, что не стоит поворачиваться задом к кайовской кобыле.

Колл о чем-то думал и с минуту молчал. А думал он о том, что луна сейчас стоит в четверти — они такую называли луной конокрадов. При полной луне какие-нибудь мексиканцы могут взять тебя на прицел на этих плоских равнинах. Те, с кем он ездил годами, были мертвы и похоронены — или просто мертвы, — потому что пересекали реку при полной луне. Совсем без луны ненамного лучше: слишком трудно отыскать скот и гнать его. Вот четвертинка самое то для перехода через границу. В мелколесье к северу уже полно скотоводов, собирающих весенние стада и пастухов, чтобы гнать их все вместе. Не пройдет и недели, и они появятся в Одиноком Голубе. Пора подсобрать скот.

— А кто сказал, что тот индеец был кайова? — спросил он, глядя на Огастеса.

— Я пришел к такому выводу, — ответил Огастес. — И ты бы мог сделать то же самое, если бы на секунду перестал работать и подумал.

— Я могу работать и думать, — сказал Колл. — Ты единственный из всех, кого я знаю, кому нужна тень, чтоб мозги работали.

Огастес замечание проигнорировал.

— Я решил, что это кобыла индейца-кайова, который хотел украсть женщину, — сказал он. — Твои команчи не питают страсти к сеньоритам. Белых женщин красть легче, и едят они меньше. Кайова другие. Эти предпочитают сеньорит.

— Можем уже поесть — или будем ждать, когда вы кончите спорить? — спросил Гороховый Глаз.

— Если ждать, подохнем с голоду, — сказал Боливар, плюхая на грубо сколоченный стол горшок с варевом из потрохов и бобов.

Никто не удивился, когда Огастес первым наполнил свою тарелку.

— Хотел бы я знать, где ты умудряешься изыскивать эту мексиканскую землянику? — спросил он, имея в виду бобы.

Боливар исхитрялся находить их триста шестьдесят дней в году, причем так щедро перемешивал с красным перцем, что по остроте ложка бобов была как ложка красных муравьев. Ньют пришел к выводу, что в двух вещах можно всегда быть уверенным, работая на «Скотоводческую компанию Шляпного ручья». Первое — это что капитан Колл придумает больше работы, чем он, Гороховый Глаз и Дитц в состоянии переделать, и что во время любой трапезы всенепременно подадут бобы. Единственным человеком во всем заведении, который не пердел постоянно, был сам старик Боливар — он к бобам не прикасался, а существовал преимущественно на сухом печенье и кофе с цикорием, или, точнее, на сиропе из тростникового сахара с парой лужиц кофе поверх. Сахар стоил денег, и капитан выходил из себя, но ничто не могло заставить старика изменить своей привычке. Огастес утверждал, будто дерьмо старика такое сладкое, что голубой хряк всегда увязывался за ним, когда тот ходил справлять нужду, и это вполне могло быть правдой. Сам Ньют старался держаться от хряка подальше, но его дерьмо состояло в основном из бобов.

К тому времени когда Колл надел рубашку и сел за стол, Огастес уже накладывал себе вторую порцию. Глаз и Ньют нервно поглядывали на горшок, тоже надеясь на добавку, но, будучи людьми слишком вежливыми, ждали, когда все возьмут себе по порции. Аппетит Огастеса походил на стихийное бедствие. Колл изумленно наблюдал его уже тридцать лет и до сих пор удив-

лялся, сколько может съесть Огастес. Он работал только в случае необходимости, но каждый вечер за столом мог переесть троих мужиков, горбатившихся день напролет.

В их бытность рейнджерами, когда спешить было некуда, эти парни часто садились и рассказывали истории про обжорство Огастеса. Он ел не просто много, он ел стремительно. Повару, который решил бы задержать его за жратвой дольше десяти минут, пришлось бы приготовить не меньше половины быка.

Колл пододвинул стул и уселся. Огастес в этот момент тащил к себе половник с бобами, и Колл подставил под него свою тарелку. Ньют решил, что это вышло ловко, и громко расхохотался.

— Спасибочки, — сказал Колл. — Когда устанешь бездельничать, можешь пойти в официанты.

— А что, я однажды работал официантом, — сказал Огастес, притворившись, что он как раз и хотел положить Коллу бобов. — На речном пароходе. Мне тогда было не больше лет, чем Ньюту сейчас. А у кока даже была белая шляпа.

— Зачем? — спросил Гороховый Глаз.

— Потому что настоящие повара должны носить такие шляпы, — объяснил Огастес, взглянув на Боливара, который как раз вмешивал каплю кофе в сахарную жижу. — Вообще-то, не шляпа, скорее колпак, сделан вроде как из простыни.

— Чтоб я сдох такое носить, — сказал Колл.

— Да нет такого придурка, который нанял бы тебя в повара, Вудро, — сказал Огастес. — Такая шапка надевается для того, чтобы грязные и жирные волосы повара не падали в еду. Не удивлюсь, что в это вот варево попали несколько волос Боливара.

Ньют взглянул на Боливара, сидящего у плиты в своем грязном серапе. Волосы Боливара выглядели так, будто на них вылили банку топленого жира. Раз в несколько месяцев Боливар менял одежду и отправлялся навестить жену, но его старания улучшить свою внешность ограничивались заботой об усах, которые он постоянно чем-то умащивал для стойкости.

— А чего ты ушел с парохода? — спросил Гороховый Глаз.

— Я был слишком молод и хорош собой, — ответил Огастес. — Шлюхи не давали мне проходу.

Колл огорчился из-за этих слов. Он вообще не любил говорить о шлюхах, и уж не в присутствии мальчика. У Огастеса стыда не было вовсе. С давних времен они из-за этого препирались.

— Жаль, что они тебя тогда не утопили, — раздраженно сказал Колл; застольные беседы редко заканчивались добром.

Ньют не отрывал глаз от тарелки, как и всегда, когда Колл злился.

— Утопить меня? — удивился Огастес. — Да если бы кто попытался, девки бы разорвали его в клочья.

Он видел, что Колл в бешенстве, но не собирался с этим считаться. Они сидели за общим столом, и, если Коллу не нравится разговор, он может пойти спать.

Колл знал, что спорить бесполезно. Огастес того и хотел: поспорить. По сути, ему было наплевать, о чем спор и на чьей он стороне. Он просто обожал спорить, и все тут. А Колл ненавидел. Из собственного долгого опыта он знал, что переспорить Огастеса невозможно, даже когда все было яснее ясного. Даже в давние суровые времена, когда вокруг кишели индейцы, Огастес никогда не упускал случая поспорить. Буквально недавно был случай, когда на них и еще шестерых рейнджеров внезапно напали команчи на развилке Ред-Ривер, и они копали на берегу ямы, которые вполне могли стать их могилами, если бы не повезло улизнуть облачной ночью. Огастес и тогда не унимался и спорил с рейнджером, которого они называли Урод Билл. Спор шел про енотовых гончих, и Огастес не мог успокоиться всю ночь, хотя остальные рейнджеры так перетрусили, что не могли даже помочиться. Конечно, мальчишка тут же запал на истории Огастеса о речном пароходе и шлюхах. Парень нигде не был, так что для него все это была романтика.

— От твоей трепотни про женщин еда вкуснее не становится, — сказал наконец Колл.

— Колл, хочешь чего повкуснее, пристрели сначала Боливара, — сказал Огастес, которому напомнили о его собственном недовольстве поваром. — Бол, хватит уже колотить ломом по колоколу, — сказал он. — В полдень еще куда ни шло, но только не вечером. Любой зрячий может различить закат. Ты мне много хороших вечеров испортил своей долбежкой.

Макмёртри Л.

М 15 Одинокий Голубь : роман / Ларри Макмёртри ; пер. с англ. Т. Матц ; под ред. И. Залогиной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 960 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-25007-9

Классика современной американской литературы, «„Война и мир“ от вестернов», этот поистине легендарный роман получил Пулитцеровскую премию, был переведен на множество языков, разошелся по миру тиражом свыше 4 миллионов экземпляров, успешно перенесен на телеэкран (в ролях Роберт Дюваль, Томми Ли Джонс, Анжелика Хьюстон; семь премий «Эмми», два «Золотых глобуса», премия Гильдии сценаристов США за лучшую адаптацию крупной формы), получил несколько продолжений (также экранизированных) и сейчас, через сорок лет, переживает новый виток популярности: сарафанное радио на «БукТоке», покупка прав на экранизацию всей тетралогии компанией *Teton Ridge*...

Когда-то Огастес Маккрей и Вудро Колл были легендарными техасскими рейнджерами, защищали поселенцев от индейских набегов, а границу — от мексиканских бандитов. Теперь Гас и Вудро живут в крошечном пыльном городке Одинокий Голубь у реки Рио-Гранде и держат «Скотоводческую компанию Шляпного ручья и прокатный эмпориум»; Вудро по привычке работает на износ, а Гас предпочитает сидеть на тенистой веранде с бутылкой виски. Однажды в городок возвращается их старый сослуживец Джейк Спун, игрок, бродяга и записной донжуан, и вдохновляет их на небывалую авантюру: перегнать большое стадо скота из южного Техаса на дальний север, в заповедную Монтану, и основать там первое в штате ранчо. Мотивировка у партнеров разная — Вудро истосковался по масштабным подвигам, а Гас хочет навестить свою давнюю любовь, осевшую в Небраске, — но они собирают команду и отправляются в одиссею длиной три тысячи миль, наперекор дикой природе, враждебным индейцам и отчаянным бандитам...

«Моя любимая книга? Их так много, что выбрать очень трудно... Пожалуй, я бы назвал „Одинокого Голубя“ Ларри Макмёртри» (Стивен Кинг).

Перевод публикуется в новой редакции, а также со специальным авторским послесловием.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ЛАРРИ МАКМЁРТРИ

ОДИНОКИЙ ГОЛУБЬ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Ирина Залогина
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Людмила Дубовая, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.10.2026.
Формат издания 60 × 88 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 58,8. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
Факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01
Факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербор қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор, Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-33994-01-R